

Реализация концепции всемирного культурного наследия в российской и международной правовой и политической практике

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Автор рассматривает культурное наследие как многоуровневое понятие и научную категорию. Объектом анализа выступают различные теории и концепции, на основе которых ученые раскрывают это понятие. Показано, что в России теория культурного наследия разработана в меньшей степени, чем на Западе, что отражается в правовом регулировании и практике его охраны. Автор отмечает, что сегодня в политике охраны культурного наследия доминирует памятниковый подход, однако наиболее перспективным считает актуализацию культурной среды.

Ключевые слова: культурные ценности; культурное наследие; охрана памятников; культурное достояние; памятник культуры; объект культуры; артефакт; политика охраны и эксплуатации культурного наследия; актуализация культурной среды.

Содержание международных правовых актов и коллизии, возникающие при их применении, на наш взгляд, демонстрируют необоснованность выбора аксиологического подхода и самого термина «культурные ценности» в качестве базовой методологии и ключевого понятия политической практики.

Так, важнейшим актом, отражающим аксиологический подход к определению культурных ценностей, является Гагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и протоколы к ней. Согласно ст. 1 этого документа, культурными ценностями независимо от их происхождения и владельца считаются:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, произведения искусства, рукописи, книги и некоторые другие объекты;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а»;

с) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах «а» и «б», так называемые центры сосредоточения культурных ценностей [1].

Приведенная выше дефиниция — самая широкая из всех существующих, во многих странах она служит базой для политической практики защиты культурных ценностей. Однако, по справедливому замечанию чехословацкого социолога И. Томана, данное определение «замкнуто само на себя» [2, с. 283].

Согласно ст. 1 Конвенции ЮНЕСКО 1970 г., под культурными понимаются «ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются

каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки и которые относятся к перечисленным ниже [в Конвенции] категориям» [3, с. 506]. К ним, в частности, принадлежат: «а) редкие коллекции и образцы флоры и фауны, минералогии, анатомии и... палеонтологии; б) ценности, касающиеся истории, включая историю науки и техники, историю войн и обществ, а также связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и с крупными национальными событиями; с) археологические находки... ф) этнологические материалы; г) художественные ценности» и т. п. (всего 11 категорий предметов) [3, с. 506—507].

Перечни объектов, обладающих ценностью и подлежащих охране, содержатся и во многих других европейских документах, регулирующих отношения в сфере охраны культурных ценностей. Так, Постановление Совета Европейских сообществ от 09.12.1992 № 3911/92 «О вывозе культурных ценностей»¹ вместо определения соответствующего понятия содержит классификацию движимых культурных ценностей [4]. В этот перечень входят, например, археологические предметы более чем 100-летней давности из различных археологических источников; составные части памятников искусства и архитектуры или религиозных памятников, обособленные в результате их разделения и насчитывающие более 100 лет; картины и полотна, изготовленные из любого материала и на любом носителе, полностью ручной работы (в том числе акварели, гуаши и пастели) и мн. др. Все указанные объекты поделены на 14 категорий [4].

Таким образом, в международных документах широко используется метод перечисления категорий. По мнению

специалистов (которое мы разделяем), он не способствует выработке общего международного подхода к охранной деятельности (см.: [5]), а частота его применения — своего рода реакция на слишком общий характер понятия «культурные ценности». В связи с этим во второй половине XX в. в качестве альтернативных стали использоваться термины «культурное наследие» и «культурное достояние».

В 1970—1980-е гг. СССР стал участником международных культуроохранных конвенций. Как показано выше, во многих из них перечислялись объекты, обладающие культурной ценностью, но сущность понятия не раскрывалась. Своеобразным рубежом, обозначившим во всем мире переход к поиску новых парадигм в определении понятия «памятник культуры» [6, с. 183], было зарождение в недрах международного права концепции *всемирного культурного наследия* (см.: [7, с. 113]). Базисом для парадигмы «культурного наследия» стала доктрина общего наследия человечества. В 1960-е гг. под ним понималось морское дно и недра, находившиеся вне пределов государственных суверенитетов.

Впервые термин «культурное наследие» вынесли на обсуждение итальянские энтузиасты памятничкоохранного движения. Затем он был зафиксирован в 1972 г. в Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» [8]. Согласно Конвенции, в состав культурного наследия входят «предметы материальной культуры, памятники, группы зданий и территории, обладающие различной ценностью, включая символическую, историческую, художественную, эстетическую, этнографическую или археологическую, имеющие научное и общественное значение» [9, с. 87].

Суть концепции всемирного культурного и природного наследия сводится к следующим положениям:

¹ В настоящей статье данный документ используется в переводе С. Н. Молчанова.

— национальное культурное достояние не может быть присвоено другим народом или государством, но рассматривается международным сообществом как часть всемирного наследия человечества;

— государства обладают правом присваивать культурным ценностям статус неотчуждаемых;

— государства должны оказывать содействие в возвращении культурных ценностей заинтересованным государствам, с территории которых они были незаконно вывезены [10, с. 20].

Следует отметить, что в первоначальном варианте концепции всемирного культурного наследия не содержалось упоминаний о нематериальном наследии. Они появились спустя 49 лет в Конвенции ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003).

В нашей стране новый подход к определению понятия «памятник культуры» — сквозь призму концепции культурного наследия — стал реализовываться в правовой и политической практике в 1988 г., после того, как Советский Союз ратифицировал международную Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (Указ Президиума ВС СССР от 09.03.1988 № 8595-ХІ). Действующая сегодня концепция культурного наследия народов РФ, нормативно регулирующая сохранение и охрану культурных ценностей, логически вытекает из международно-правовой концепции всемирного культурного наследия [11].

Вследствие распространения этой концепции и соответствующего термина понятие «памятник культуры» в большинстве стран начали рассматривать как часть содержания понятия «культурное наследие». В сущностном отношении *памятник* стал пониматься как единичный объект, обладающий определенной

исторической, научной или общественной ценностью и являющийся частью культурного наследия.

Культуролог К. Е. Рыбак обратил внимание на тенденцию к отказу от формулировки «культурные ценности» в пользу термина «культурное наследие», наблюдающуюся в международном праве с середины 80-х гг., и связал ее с процессом глобализации. Он предположил, что движение глобализации проявляется в стремлении к воссоединению, сочленению культурных ценностей в единое пространство — культурное наследие. Этот термин, в его понимании, обязан своим возникновением проявлению энтропийных процессов. Однако действия, направленные на ограничение оборота, свободного перемещения культурных ценностей, имеют целью концентрацию материальных составляющих культуры на очерченной территории и тем самым снижают энтропийные проявления. Иными словами, в данной концепции стремление к навязыванию восприятия культурных ценностей различных социальных групп в рамках единого всемирного культурного наследия и последующее оперирование исключительно этой категорией приводят к обесцвечиванию, рассредоточению, рассеиванию, смешению, упадку и смерти самобытных культурных проявлений [12].

Опасность не преувеличена: глобализационные тенденции действительно приводят к стиранию границ культур и утрате культурных особенностей некоторых социальных групп. Однако, на наш взгляд, методологические и даже мировоззренческие основания международной практики эксплуатации и охраны культурного наследия отнюдь не исчерпываются апологией процессов глобализации (или даже признанием ее объективного характера и неизбежности ее социокультурных последствий). Здесь, как представляется, следует вести речь скорее о том, что в методологию международного права все прочнее

и основательнее входят постулаты политики мультикультурализма, длительное время остававшейся политико-правовым ответом государств на вызовы глобальной энтропии, который, несмотря на все свои очевидные недостатки, по-прежнему представляет собой единственную адекватную реакцию на процессы глобализации в сфере культуры.

Понимание памятника как составляющей культурного наследия распространилось в России лишь к началу 1990-х гг. В частности, изменения в подходах к определению культурных ценностей отразились в Большом энциклопедическом словаре 1991 г. Памятники рассматривались его составителями и как ценные артефакты, и как часть культурного наследия — но вместе с тем само оно определялось через понятие «памятник» и толковалось как совокупность памятников [13, с. 341].

В ст. 3 базового закона «Основы законодательства РФ о культуре» также закреплено определение понятий «культурное наследие народов РФ» и «культурное достояние народов РФ». Под первым законодатель понимает материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности РФ и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию [14], под вторым — «совокупность культурных ценностей, а также организации, учреждения, предприятия культуры, которые имеют общенациональное (общероссийское) значение и в силу этого безраздельно принадлежат Российской Федерации и ее субъектам без права их передачи иным государствам и союзам государств с участием Российской Федерации» [14, ст. 3].

Может ли анализ норм международного права помочь ответить на вопрос о соотношении понятий «культурные ценности», «культурное достояние»

и «культурное наследие»? Сегодня действует более 60 специализированных международных правовых актов универсального и регионального характера, регулирующих деятельность в сфере охраны культурных ценностей, причем используемая в них терминология не единообразна. В англоязычных правовых актах используется термин *cultural heritage* («культурное наследие»²), в написанных на других европейских языках — *das Kulturerbe* и *patrimoine culturel*, которые также могут переводиться на русский язык как «культурное наследие». В последнее время все большее распространение получает термин «объекты культуры» или «культурные объекты» (см.: [15]). Широко используется и термин *cultural property* — *das Kulturgut* — *biens culturels* (дословно — «культурная собственность», «культурное достояние»). В англоязычной юридической литературе термин *property* постоянно используется в значении «объект», «вещь» (см., напр., [16]). Однако содержательное наполнение понятия «вещь» в языковых моделях российской и англо-американской культур существенно различается: использование данного понятия в российской литературе ограничено его внутренним «вещным» содержанием, поэтому подобный подход подвергается обоснованной критике (подробнее см.: [17—20]).

Таким образом, в международных правовых актах используются категории «культурное наследие» и «культурное достояние». В одной из своих ранних работ ведущий российский эксперт-правовед С. Н. Молчанов говорил о практической взаимозаменяемости терминов *property*

² Как отмечалось, термином «культурное наследие» пользуется один из наиболее фундаментальных актов международного права, посвященных указанной тематике, — Конвенция ЮНЕСКО 1972 г. (UNESCO 1972 Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage).

и *heritage*, отмечая, что последний в большей степени подчеркивает общенациональную значимость культурной ценности, в связи с чем адекватно соотносить его с понятием «государственная собственность» [21].

В современном российском праве также используются оба термина, но в разных значениях. Российский законодатель идет по непростому, но перспективному пути акцентуации различий в значениях терминов, опираясь на разграничение, объективно существующее в международном праве, и используя «культурное наследие народов РФ» и «культурное достояние народов РФ» отнюдь не как синонимичные. Мы также считаем, что понятия «культурное наследие» и «культурные ценности» (достояние) следует разграничивать. Более того, и Молчанов в более поздних работах пишет, что, как правило, в отечественном законодательстве эквивалентом понятию *property* служит «культурное достояние» или «культурные ценности» [10]. Мы полагаем эту точку зрения более обоснованной.

Наследие представляет собой «явление духовной жизни, быта, уклада, унаследованное от прежних поколений, от предшественников» [22, с. 252], т. е. нечто, имеющее духовную или материальную сущность, созданное в прошлом, предыдущими поколениями. Это то, что подлежит сохранению в настоящем ради возможности потребления в будущем [23]. Это результирующее образование деятельности предков, унаследованное потомками в силу способности удовлетворять материальные и духовные потребности наследников. Согласно инструментальному определению Российской музейной энциклопедии, культурное наследие — «совокупность объектов культуры и природы, отражающих этапы развития общества и природы и осознаваемых социумом как ценности, подлежащие сохранению и актуализации» [24].

В содержании понятия «наследие» важен компонент *непрерывность культурных связей, преемственность*. Так, в работах Э. Баллера освещена проблема преемственности культуры и дано определение культурного наследия, под которым автор понимает в широком смысле «совокупность связей, отношений и результатов духовного производства прошлых исторических эпох» [25, с. 52], а в более узком — «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно-исторических задач современности, в соответствии с объективными критериями общественного прогресса» [25, с. 56].

В содержании понятия «достояние» более значим вещный, имущественный аспект. Достояние — это всегда исключительно объекты, имеющие материальное воплощение, в правовом отношении — это движимое или недвижимое имущество. Ценность достояния эквивалентна его способности удовлетворять духовные или материальные потребности его обладателей. Иными словами, достояние связано с субъектом, обладающим им на правах собственности, распоряжения или пользования имуществом. Субъектная принадлежность достояния влечет за собой наложение ограничений на его использование или перемещение другими лицами, субъектная отнесенность подразумевает, что оно может быть национальным, общественным или государственным. При этом не всё общественное и государственное достояние является культурным наследием.

Мы акцентируем внимание именно на культурном наследии как объекте эксплуатации и государственной охраны. Вместе с тем нельзя не признать: «...тогда как эксперты культуры в различных сферах имеют весьма ясное представление о предмете своего исследования, официальное определение культурного

наследия — один из самых больших камней преткновения для ученых» [26, с. 224].

Отсутствие однозначного официально принятого определения в некоторой степени компенсируется развитием теории культурного наследия в авторских концепциях. Так, Ю. А. Веденин полагает, что анализируемым понятием обозначается «целая система материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющих исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и для ее дальнейшего развития» [27, с. 7]. По мнению ученого, наследием следует считать не только отдельные памятники, но также эстетические и духовные ценности, запечатленные в книгах, изделиях прикладного искусства, обычаях и обрядах, традиционные формы хозяйствования и природопользования, т. е. всё то, что отражает историю развития природы и культуры и признается ценным в научном, религиозно-духовном, экологическом, эстетическом и просветительском отношении.

Как нам представляется, помимо вещного в культурном наследии важен и символический, информационный компонент. На его значение обращает внимание М. Е. Кулешова: «Наследие можно рассматривать как информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям» [28, с. 41]. Именно эту составляющую в понятии наследия акцентировал также Д. С. Лихачев в проекте «Декларации прав культуры». Под наследием академик понимал «форму закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества» [29, с. 390] и выделял два его компонента: духовный (язык,

идеалы, традиции) и материальный (музейные, архивные, библиотечные фонды, памятники археологии, архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого, уникальные ландшафты, совместные творения человека и природы, современные сооружения, представляющие особую ценность с точки зрения истории, искусства или науки) [29, с. 390—391].

Таким образом, в среде ученых нет единого понимания культурного наследия. Каждое из предлагаемых определений в той или иной степени, в том или ином направлении раздвигает рамки первоначального содержания термина, а возникновение новых подходов способствует дальнейшему расширению его толкования.

За последние 20 лет подходы, в соответствии с которыми памятники рассматривались как изолированные объекты (вне культуры, хронотопа, социума), деактуализировались, а теоретический уровень и концептуальное разнообразие исследований заметно возросли. Глобальный характер проблем, решаемых в сфере эксплуатации и охраны культурного наследия, предопределяет широкое использование в международной практике теоретических разработок философов и культурологов.

Однако в российском законодательстве кодифицированы не самые современные подходы к понятию культурного наследия и политике его охраны. В Федеральном законе от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» дана следующая дефиниция: «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации... в целях настоящего Федерального закона относятся объекты недвижимого имущества... с исторически связанными

с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [30, ст. 3].

В этом определении множество недостатков. Прежде всего, в нем используется двойная терминология: традиционный для советского законодательства термин «памятник истории и культуры» приравнивается по своему содержанию к новому термину «объект культурного наследия»³.

Затем, объем понятия, обозначающего объект целой сферы общественных отношений, сужен лишь до объектов недвижимого имущества «и связанного с ним движимого». Следовательно, по логике российского законодателя, объекты движимого имущества не могут рассматриваться как самостоятельные объекты культурного наследия. Это расходится с положениями принятого в 1996 г. Федерального закона № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», в соответствии с которым включенные в состав названного фонда музейные предметы и коллекции являются неотъемлемой частью культурного наследия народов РФ. Как справедливо отмечал С. Н. Молчанов в экспертном заключении на проект закона № 73-ФЗ, термин «связанность» в данном случае не имеет содержательного юридического наполнения, отсюда

само понятие «объект культурного наследия» предстает аморфным и искусственным образованием. Добавим, что и в имущественном, и в аксиологическом аспекте каждая музейная коллекция, каждый отдельный экспонат или любой другой движимый объект культурного наследия обладает самостоятельной ценностью. Собственно, самоценность есть одна из атрибуций объекта культурного наследия и никак не может быть «связана» с местонахождением вещи в конкретный момент. Таким образом, исключение движимых культурных ценностей из перечня объектов культурного наследия категорически неверно.

Далее, в самой дефиниции нет указания на специфику правового режима, установленного в отношении объектов культурного наследия. Вместе с тем, согласно тексту закона, все объекты культурного наследия должны быть внесены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия РФ (<http://reestr.mkrf.ru>) — государственную информационную систему, включающую в себя банк данных об имеющихся в стране объектах такого рода⁴. Решение о внесении или об отказе от включения памятника в реестр принимается в течение 1 года на основе заключения государственной историко-культурной экспертизы. Соответственно, логичным было бы отнесение к объектам культурного наследия объектов, включенных в Единый реестр. Иными словами, весь текст закона подводит к тому, что к объектам культурного наследия могут быть причислены лишь признанные таковыми в законодательно установленном порядке.

К тому же, весьма обтекаемым является указание на то, что объекты культурного наследия возникли в результате «исторических событий»: сам этот

³ Кроме того, среди видов объектов культурного наследия на первом месте указаны памятники — т. е., согласно тексту закона, «памятник» является одним из видов «памятников».

⁴ Данный реестр создается взамен «Списка» («Сводного перечня») памятников истории и культуры, бывшего основной формой учета памятников в советское время (см. [31]).

термин может интерпретироваться правоприменителем сколь угодно широко или предельно узко.

Наконец, в ст. 3 перечислены различные сферы культуры («объекты... представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры...»), однако содержание самих терминов не раскрыто.

Таким образом, содержащееся в российском законодательстве определение культурного наследия расплывчато и далеко от совершенства. Необходимость пересмотра законодательной базы обусловлена не только этим, но и серьезными изменениями, затронувшими саму сферу эксплуатации и охраны культурного наследия в последние годы.

Государство, социальные институты и гражданское общество демонстрируют заинтересованность не в сохранении и использовании единичных памятников, а в комплексной *актуализации культурной среды* (интерпретации и активизации социокультурной роли культурного наследия, раскрытии его политической, историко-культурной и экономической привлекательности).

В ближайшие несколько лет объект политики эксплуатации и охраны культурного наследия может обогатиться такими феноменами, как культурный ландшафт и культурное разнообразие. Первый из них вошел в структуру культурного наследия в 1992 г., когда соответствующий термин был использован в тексте «Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» (*Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention*). В данном документе ЮНЕСКО культурный ландшафт определяется как «результат совместного творчества человека и природы».

Этот термин фактически упраздняет разделение памятников на культурные и природные.

В последние десятилетия утверждается также теория культурного разнообразия, предпосылками для становления и развития которой послужило принятие ЮНЕСКО следующих документов: Рекомендации о сохранении фольклора (1989), Всеобщей декларации о культурном разнообразии (2001), Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству (2003), Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005), а также обнародование в 2008 г. Всемирного доклада о культурном разнообразии. Идея, давшая ему название, еще в большей степени связана с тенденцией глобализации, чем теория всемирного культурного наследия: «...культурное разнообразие принципиально для поддержания культурных систем. Разнообразие идей, верований, традиций и ценностей ведет к возникновению широкого спектра культурных услуг, которые существенно отличаются от услуг, предоставляемых их отдельными составляющими» [32, с. 57].

Итак, понятие «культурное наследие» — многоаспектное, многоуровневое, заключающее в себе множество значений и сегодня являющее собой самостоятельную категорию. Ранее она имела разное терминологическое оформление: предметы древности, памятники культуры, культурные ценности и культурное достояние. Эти понятия, их сущность и содержание осмысливались в разных методологических парадигмах с целью прийти к универсальным, применимым во всем мире основаниям политики в отношении культурного наследия.

Сегодня в России теоретические и правовые аспекты эксплуатации и охраны культурного наследия разработаны

менее, нежели в Европе. Отечественная теория и политико-правовая практика развиваются в «догоняющем» режиме. Однако и в них находит отражение основная тенденция, наблюдаемая в сфере эксплуатации и охраны культурного наследия: к переориентации с сохранения и использования отдельных памятников на комплексную актуализацию культурной среды.

Литература

1. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX. М.: Госполитиздат, 1960. С. 114—142.
2. **Томан И.** Защита культурных ценностей во время международных вооруженных конфликтов: правовые и организационные рамки // Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве: сб. ст. и док. М.: МККК, 1999. С. 279—310.
3. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Заключена в Париже 14.11.1970) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV: Междунар. договоры СССР, вступившие в силу с 1 янв. по 31 дек. 1988 г. М.: Международные отношения, 1990. С. 506—513.
4. European Union Council Regulation (EEC) No 3911/92 of 9 December 1992 on the export of cultural goods // Cultural Heritage Statutes / R. Redmond-Cooper, Ch. Woodhead, N. E. Palmer. Leicester, 1999. P. 42.
5. **Богуславский М. М.** Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юристъ, 2005. 428 с.
6. **Галкова О. В.** Понятие «памятник культуры»: современные подходы к интерпретации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2. С. 182—187.
7. **Богуславский М. М.** Пакт Рериха и защита культурных ценностей // Советское государство и право. 1974. № 10. С. 111—115.
8. Конвенция «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (Заключена в Париже 16.11.1972. Вступила в силу 17.12.1975. Ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 09.03.1988 № 8595-XI) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV: Междунар. договоры СССР, вступившие в силу с 1 янв. по 31 дек. 1989 г. М.: Международные отношения, 1991. С. 482—492.
9. Система статистики культуры ЮНЕСКО (ССК), 2009. Монреаль: ЮНЕСКО-ИСЮ, 2010. 97 с.
10. **Молчанов С. Н.** Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие» (достояние) в международном праве // Московский журнал международного права. 2000. № 2 (38). С. 20—27.
11. **Молчанов С. Н.** Экспертно-правовое заключение (с поправками и предложениями) к проекту Закона Свердловской области «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Свердловской области» // Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области: [сайт] / Учредитель: Министерство по управлению государственным имуществом Свердловской области. Сор. 1999. URL: <http://www.patrimony.ru/page4/page33/page192/page127/page129/> (дата обращения: 09.09.2015).
12. **Рыбак К. Е.** Принципы музейного права (историко-правовые аспекты) // Культура: управление, экономика, право. 2006. № 2. С. 29—35.
13. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. / Ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2: Н—Я. 768 с.: ил., карт.
14. Основы законодательства РФ о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
15. Конвенция об украденных и незаконно перемещенных культурных объектах от 24 июня 1995 года = UNIDROIT Convention on Stolen and Illegally Exported Cultural Objects // **Международное частное право: сб. документов / Сост. и авт. вступ. ст. К. А. Бежашев, А. Г. Ходаков.** М.: Бек, 1997. С. 499—507.
16. **Smith J. C.** Rewards for the Return of Lost or Stolen Property: the Civil and Criminal Law // The Recovery of Stolen Art: a Collection of Essays / Ed. by N. Palmer. London: Kluwer Law International, 1998. P. 171—175.
17. **Аверченко Н. Н.** Соотношение термина «вещь» и смежных понятий в гражданском праве // Юрист. 2003. № 11. С. 2—6.
18. **Черноморец А. Е.** Некоторые теоретические проблемы права собственности в свете Гражданского кодекса РФ (Часть первая) // Государство и право. 1996. № 1. С. 95—104.
19. Гражданское и торговое право зарубежных государств / Отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. Т. 1. М.: Международные отношения, 2004. 560 с.
20. Гражданское и торговое право капиталистических государств. М.: Международные отношения, 1966. 552 с.
21. **Молчанов С. Н.** Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие» в международном праве // Научно-производственный центр по охране и использованию

памятников истории и культуры Свердловской области: [сайт] / Учредитель: Министерство по управлению государственным имуществом Свердловской области. Сор. 1999. URL: <http://www.patrimony.ru/page4/page33/page192/page105/page113/> (дата обращения: 09.09.2015).

22. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. 24-е изд., испр. М.: Оникс; М.: Мир и образование, 2007. 640 с.

23. **Howard P.** Heritage: Management, Interpretation, Identity. London: Continuum, 2003. 278 p.

24. Культурное и природное наследие // Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс] / Сектор Российской музейной энциклопедии. Сор. 2002. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?85/> (дата обращения: 12.09.2015).

25. **Баллер Э. А.** Социальный прогресс и культурное наследие. М.: Наука, 1987. 160 с.

26. **Prott L. V.** Problems of Private International Law for the Protection of the Cultural Heritage // Collected Courses of The Hague Academy of International Law. Vol. 217. Leiden; Boston, 1989. P. 215—317.

27. **Веденин Ю. А.** Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия: сб. ст. М.: РНИИ культурного и природного наследия МК РФ и РАН, 1995. С. 5—20.

28. **Кулешиова М. Е.** Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов: сб. науч. тр. М.: Изд-во РНИИ культурного и природного наследия, 1994. С. 40—52.

29. **Лихачев Д. С.** Декларация прав культуры // Избранные труды по русской и мировой культуре / Науч. ред. Ю. В. Зобнин. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 388—397. (Почетные доктора университета).

30. Федеральный закон РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Библиотека и закон: юрид. журн.-справочник / Ред.-сост. О. Бородин. Вып. 20 (1). М.: Либерея-Бибинформ, 2006. С. 260—293.

31. Приказ Минкультуры России от 03.10.2011 № 954 «Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=187387> (дата обращения: 28.10.2015).

32. **Throsby D.** Economics and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 228 p.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: rast-v2012@yandex.ru